

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

УДК 341
ББК 67.412.1

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ МЕЖДУНАРОДНОМУ ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ПРАВУ В ГОД СВОЕГО 175-ЛЕТИЯ?

Копылов Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права
Российского университета дружбы народов,
академик Российской академии естественных наук, Российской экологической академии,
Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности
prof.mikhail.kopylov@gmail.com
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация

Копылов Станислав Михайлович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
ksmfiles@gmail.com
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация

Мишланова Валерия Андреевна

Студентка юридического факультета
Российского университета дружбы народов
mishlanova.valeria@gmail.com
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются отраслевые признаки международного экологического права. Делается вывод о том, что за 175 лет своего существования международному экологическому праву так и не удалось решить вопрос о принятии широкого универсального кодифицирующего международно-правового акта, систематизирующего специальные принципы этой совокупности международно-правовых норм. Доказывается, что сегодня наиболее полным по перечню специальных принципов международного экологического права является проект Международного пакта по окружающей среде и развитию 2010 г., в котором раскрывается содержание девяти таких принципов. Обосновывается, что сегодня происходит становление еще одного специального принципа международного экологического права – принципа сохранения и устойчивого ис-

пользования биоразнообразия. На данный факт содержится указание в ст. 2 и ст. 25 проекта Международного пакта. Предлагается, чтобы российская дипломатия сосредоточила свои усилия на дальнейшем совершенствовании проекта Пакта, на уточнении понятийно-терминологического аппарата этого документа, который в последующем должен быть принят либо в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, либо на специально созванной международной конференции ad hoc.

Ключевые слова: международное экологическое право, кодификация, принципы, Экологическая конституция Земли, проект Пакта, ЮНЕП, МСОП, предосторожный подход.

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось в своих публикациях обращать внимание на некоторые частные недостатки, которые сопутствуют международному экологическому праву на современном этапе его кодификации и прогрессивного развития [14, с. 110–130; 15, с. 53–56; 16, с. 56–58; 17, с. 53–56]. Среди них указывалось на отсутствие единого универсального международно-правового кодифицирующего акта, сегодня многими называемого «экологической Конституцией Земли» [5, с. 23–26], универсальной международной межправительственной экологической организации [18, с. 153–170; 19, с. 235–240] и единого Международного экологического суда.

Мы не ставили перед собой задачу предложить какие-либо дополнительные аргументы в пользу доказательства наличия указанных выше недоработок в международном экологическом праве. Мы попытались указать на тот общетеоретический пробел, который мешает современному международному праву полноценно претендовать на роль самостоятельной отрасли международного права.

Известно, что доктрина международного права выработала ряд критериев и условий, которым должна соответствовать совокупность международно-правовых норм, претендующая на роль самостоятельной отрасли международного права. Наиболее удачно все эти условия и критерии обобщил и систематизировал в одной из своих работ профессор М.И. Лазарев [20; 21]. К ним он, в частности, отнес:

- 1) специфический круг общественных отношений;
- 2) специфические нормы, регулирующие эти отношения;
- 3) достаточно крупную общественную значимость круга общественных отношений;

4) достаточно обширный объем нормативно-правового материала;

5) заинтересованность общества в выделении новой отрасли права;

6) специальные принципы права, регулирующие построение новой отрасли права.

Некоторые ученые к этим шести условиям добавляют еще и седьмое: наличие единого универсального международно-правового кодифицирующего акта.

Мы с глубоким удовлетворением отмечаем, что к числу сторонников такого подхода к выделению самостоятельных отраслей международного права в 2014 г. присоединился и профессор А.Я. Капустин, являющийся автором соответствующей главы учебника «Международное право», вышедшего под его редакцией [7, с. 50–52]. Мы специально уделяем этому обстоятельству особое внимание, поскольку еще в 2010 г. данный автор в своей монографии «Международные организации в глобализирующемся мире» подходил к обособлению международно-правовых норм в отрасли международного права с позиций предмета и метода регулирования, подвергая критике научные концепции, базирующиеся на перечне из шести или семи условий [7, с. 299–316].

Однако вернемся к основной теме нашей статьи и подчеркнем, что по крайней мере пяти из семи международное экологическое право сегодня полностью соответствует [13, с. 54–63]. Оставшиеся же два нуждаются в дополнительной доктринальной проработке. Речь здесь идет, прежде всего, о критериях под номером 6 и под условным номером 7.

Наличие взаимосвязи между этими двумя критериями прослеживается даже невооруженным глазом. Достаточно привести слова профессора Ю.М. Колосова, высказанные им еще в 1974 г.: «Группа правовых норм и

принципов может претендовать на образование самостоятельной правовой отрасли в том случае, когда государства договариваются о формулировании широкого универсального международно-правового акта, содержащего основные принципы международного права в данной области международных отношений». Более того, «до появления подобного акта, – по его мнению, – можно говорить о становлении соответствующей отрасли международного права, а после его вступления в силу – о появлении новой отрасли» [10, с. 152].

Как мы видим, единый широкий международно-правовой кодифицирующий акт должен быть принят прежде всего для систематизации специальных принципов новой отрасли международного права.

Напомним, что на взаимосвязь упорядочения правовых принципов, норм и иных установлений внутри отрасли международного экологического права со всеобъемлющей кодификацией указывал еще профессор О.С. Колбасов [9, с. 131].

Как справедливо отмечалось в отечественной и зарубежной юридической литературе, в результате международно-правовой кодификации объединяются на качественно лучшей регулятивной основе (чаще – в рамках многостороннего правового акта) нормы конкретной отрасли международного права в соответствии с уровнем правосознания на данный период, а сами такие нормы более точно формулируются [6–14; 21; 22, с. 43–63; 8, с. 6–14; 21; 31, с. 98–112; 32, с. 96–114].

Достижение такой большой упорядоченности, ясности и лучшего качества правил должного поведения само по себе оказывает позитивное влияние на весь процесс правоисполнения, на действенность права в целом [4, с. 49–50]. Казалось бы, было достаточно времени для того, чтобы решить если не все, то уж большинство стоящих перед человечеством экологических проблем, в том числе и разработать каталог специальных принципов международного экологического права. Ведь удалось же мировому сообществу куда за более короткие сроки в рамках международного космического права создать международно-правовую базу сотрудничества в области исследования и использования космического пространства.

Но на практике бороться с экологическими вызовами и решать экологические проблемы оказалось не так просто, хотя в 1970-е гг., когда активизировалось международное природоохранное сотрудничество, многие западные ученые связывали это с тем, что международные экологические отношения представляют собой наименее политизированную область.

Сегодня, когда 2 августа 2014 г. международное экологическое право будет отмечать свой 175-летний юбилей, представляется чрезвычайно важным и насущным определить основные пути и направления, по которым должен вестись процесс выработки специальных принципов международного экологического права на ближайшую перспективу.

В связи с этим обратим внимание на два принципиальных для нас момента. Во-первых, среди отечественных и зарубежных юристов-международников, в разное время обращавшихся к историографии международного экологического права (К.А. Бекашев [3, с. 146–162], М.Н. Копылов [11, с. 51–145; 12], С.А. Мохаммад [23, с. 44–49], А.Ш. Кисс, Д. Шелтон [28, с. 55–60], Ван Девир, Р.С. Аксельрод [36, с. 24–47]), существует полное единодушие относительно того, что датой рождения международного экологического права является 2 августа 1839 г., когда была заключена Двусторонняя конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции. К этой же группе ученых можно отнести и профессора международного права Университетского колледжа Лондона Филиппа Сандса, который в поисках этой даты отсылает к ранним конвенциям о рыболовстве, выделяя, однако, особо Конвенцию 1839 года [35, с. 26–30].

Единственным известным автором настоящей статьи исключением из этого почти единодушного консенсуса является доцент школы права Мельбурнского университета Жаклин Пил, которая полагает, что международное экологическое право зародилось с принятия решения международного арбитража по делу о морских котиках Берингова моря 1893 года [33, с. 53].

И хотя среди юристов-международников, особенно представителей отечественной школы международного права, отсутствует убежденность в необходимости привязки зарожде-

ния международного экологического права к конкретной дате и проведения какой-либо периодизации истории международного экологического права, тем не менее, мы полностью разделяем точку зрения профессора К.А. Бекяшева, когда он пишет, что «у любого явления должно быть начало, то есть точка отсчета» [3, с. 148].

Понимая всю сложность задачи выделения специальных принципов той или иной отрасли международного права (в том числе международного экологического права) и полностью соглашаясь с тем, что общепризнанные принципы современного международного права составляют в силу своей императивности и универсальности регулятивную базу для международных отношений абсолютно во всех пространствах и областях сотрудничества, попытаемся представить имеющийся на сегодняшний день спектр мнений и взглядов на каталог специальных принципов международного экологического права в контексте процесса его кодификации и прогрессивного развития. При этом напомним, что еще в 1972 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2997 (XXVII) от 15 декабря мандатом на кодификацию принципов международного экологического права была наделена Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Однако справиться с этой задачей ЮНЕП оказалась неспособна, и инициативу перехватили международные неправительственные экологические организации.

Также особо подчеркнем, что специальные принципы международного экологического права как таковые носят общий характер и не могут отличаться от государства к государству (или группы государств), от региона к региону. Более того, особенностями происходящего процесса становления международного экологического права следует объяснять тот факт, что специальные принципы в данной области нельзя считать чем-то застывшим, окончательно сформировавшимся. Мы являемся свидетелями именно процесса. По этой причине вполне вероятно появление в ближайшем будущем и других правовых принципов деятельности (доказать данный тезис мы попытаемся уже в настоящей статье).

Так, например, профессор К.А. Бекяшев выделяет 15 принципов международного эко-

логического права: «окружающая среда – общая забота человечества», «окружающая природная среда вне государственных границ является общим достоянием человечества», «свобода исследования и использования окружающей среды и ее компонентов», «рациональное использование окружающей среды», «содействие международному сотрудничеству в исследовании и использовании окружающей среды», «взаимозависимость охраны окружающей среды, мира, развития, обеспечения прав человека и фундаментальных свобод», «предосторожный подход к окружающей среде», «право на развитие», «предотвращение вреда», «предотвращение загрязнения окружающей среды», «ответственность государств», «платит тот, кто загрязняет, или загрязнитель платит», «всеобщей, но дифференцированной ответственности», «доступ к информации, касающейся окружающей среды», «отказ от иммунитета от юрисдикции международных или иностранных судебных органов» [2, с. 763–769].

Профессор Н.А. Соколова, предлагая свой вариант специальных принципов международного экологического права, исходит из того, что норма, содержащаяся в специальном принципе, должна определять его содержание, иметь существенное, основополагающее значение для регулирования международных экологических отношений, находить постоянное применение в практике государств, в том числе при разрешении споров, содержаться не только в преамбуле, но и в основном тексте договора, рассматриваться доктриной в качестве полноценной международно-правовой нормы [26, с. 111–154].

Данный автор акцентирует особое внимание на следующих специальных принципах: принцип общей, но дифференцированной ответственности; принцип предосторожного подхода; принцип «загрязнитель платит»; принцип непричинения ущерба окружающей среде за пределами национальной юрисдикции; принцип международного природоохранного сотрудничества.

Из числа зарубежных исследователей в различные годы свои варианты специальных принципов международного экологического права предлагали: Ф. Сандс [34, с. 54–58], А. Кисс [28, с. 62–67, 116–144], В. Лэнг, Д. Хантер [30, с. 171], Дж. Сальзман и Д. Залке [27, с. 378].

Так, например, Ф. Сандс относит к числу наиболее значимых принципов международного экологического права равенство между поколениями, устойчивое использование, равное использование и интеграцию.

А. Кисс особое внимание уделяет принципу непричинения вреда за пределами национальной юрисдикции, принципу международного сотрудничества, принципу предосторожного подхода и принципу «загрязнитель платит». В своих трудах он также указывает на обязанность всех государств сохранять окружающую среду, обязанность оценивать воздействие на окружающую среду, обязанность осуществлять мониторинг состояния окружающей среды, обеспечивать доступ общественности к информации о состоянии окружающей среды и участие в принятии решений.

В. Лэнг предлагает выделить три группы принципов по степени их нормативного закрепления:

- существующие принципы (например, принцип ответственности за ущерб окружающей среде);
- формирующиеся принципы (право на здоровую окружающую среду, предупреждение других государств в случае возможного экологического воздействия);
- потенциальные принципы (принцип общей, но дифференцированной ответственности).

Наконец, Д. Хантер, Дж. Сальман и Д. Залке объединяют принципы международного экологического права в несколько групп: принципы, определяющие общие подходы к окружающей среде; принципы, относящиеся к трансграничным вопросам сотрудничества в сфере окружающей среды; принципы, способствующие развитию национального законодательства в области окружающей среды; принципы международного управления в сфере окружающей среды.

Приведенный спектр мнений отечественных и зарубежных специалистов относительно каталога специальных принципов международного экологического права наглядно демонстрирует тенденцию к сближению существующих научных подходов, что прослеживается, в частности, в повторяемости некоторых из них. Некоторые из авторов, как, например, профессор К.А. Бекашев, справедливо обнаруживая, по-видимому, общие черты в

правовом режиме космического пространства и окружающей среды, заимствуют формулировки некоторых специальных принципов международного экологического права, в соответствии с которыми вычленение специальных принципов международного экологического права, равно как и точная формулировка их юридического содержания, являются чрезвычайно сложной теоретической проблемой, пока еще далекой от успешного разрешения.

В связи с этим представляется целесообразным обратиться к принципам международного экологического права, содержащимся в 4-й редакции проекта Международного пакта по окружающей среде и развитию от 22 сентября 2010 г., который с точки зрения теории международного права представляет собой консолидированное мнение наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву (ст. 38 Статута Международного Суда ООН).

В этом проекте оказались неофициально кодифицированными следующие девять принципов международного экологического права:

– Принцип обеспечения соблюдения экологических прав человека не имеет прямого действия и зависит от того, какие конкретные экологические права человека закреплены в конституциях и конституционных актах государств. Поэтому данный принцип в отношении конкретного государства следует толковать так: «Что предусмотрено вашей Конституцией и конституционными законами в отношении экологических прав человека, то и соблюдайте».

– Принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде является центральным системообразующим принципом международного экологического права. Его нормативное содержание раскрывается в Принципе 21 Стокгольмской декларации 1972 г. и в Принципе 2 Декларации Рио 1992 года.

Суть рассматриваемого принципа заключается в том, что в случае угрозы причинения ущерба окружающей среде должны быть приняты все меры по предотвращению такого ущерба. Любая деятельность, которая может повлечь такой ущерб, должна быть прекращена.

Однако реализация данного принципа на практике вызывает целый ряд проблем, в частности, касающихся толкования терми-

на «трансграничность» и понимания термина «загрязнение».

Уточнению юридического содержания данного принципа без привязки к пересечению поллютантами именно государственных границ послужил казус с японским рыболовецким траулером «Фукуру-Мару» («Счастливого дракона») в открытом море, когда в результате проведенных США ядерных взрывов на Маршалловых островах выпавшими радиоактивными осадками был причинен вред здоровью рыбаков, находившихся на борту траулера, и жителей Японии через зараженную рыбу.

Что касается понятия «загрязнение», то в доктрине международного права проводится различие между загрязнением вследствие человеческой деятельности и загрязнением в результате естественных факторов (например, вулканических выбросов, пыльных бурь, землетрясений и т. п.) и делается вывод о том, что «только антропогенное загрязнение представляет интерес с точки зрения права». Однако события в Турции в 1999 г., когда в результате землетрясения десятки тонн соляной кислоты оказались сброшенными в море, извержения исландских вулканов Эйяфьядлайёкудль (2010 г.) и Гримсвотн (2011 г.), а также чилийского вулкана Пуйеуэ (2011 г.), прервавшие международные воздушные сообщения в мире, пыльные бури в штате Аризона в июле 2011 г., приведшие к запрету на вылет воздушных судов, заставляют подходить к оценке загрязнения естественного происхождения с позиций рассматриваемого здесь принципа. Это особенно важно в тех случаях, когда государство, на территории которого началось подобное стихийное бедствие, умышленно не принимает (хотя и может принять) мер по недопущению распространения его последствий или прямого действия на территории соседнего государства, в его исключительной экономической зоне и т. п. В пользу такого подхода говорят и последствия вызванной землетрясением и цунами аварии на японской АЭС «Фукусима-1» 11 марта 2011 года. В результате компания-оператор «Токуо Electric Power Company (далее – ТЕРСО)» осуществила сброс нескольких десятков тысяч тонн низкорadioактивной воды в Тихий океан в районе высокопродуктивного океанического биотопа с большим разнообразием рыб. Экспер-

ты МАГАТЭ пришли к выводу, что реакция на ядерный кризис в Японии могла быть более оперативной и адекватной. В отчете МАГАТЭ указывалось на необходимость создания «усиленных» центров реагирования на чрезвычайную ситуацию и усовершенствования оценки рисков природных бедствий и защиты от них.

– Принцип экологически обоснованного рационального использования природных ресурсов. В самом общем виде юридическое содержание данного принципа раскрывается в нормах «мягкого» международного экологического права следующим образом: рациональное планирование и управление возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами Земли в интересах нынешнего и будущих поколений; долгосрочное планирование экологической деятельности с обеспечением экологической перспективы; оценка возможных последствий деятельности государств в пределах своей территории, зон юрисдикции или контроля для систем окружающей среды за этими пределами; сохранение эксплуатируемых природных ресурсов на оптимальном уровне, то есть на уровне, при котором обеспечивается их неистощительное использование; научно обоснованное управление живыми ресурсами.

В соответствии с рассматриваемым принципом государство вправе распоряжаться ресурсами своей территории только в пределах стандартов экологической безопасности. Устойчивое развитие следует понимать как развитие в согласии с требованиями законов устойчивости биосферы, в пределах того коридора (хозяйственной емкости биосферы, а в локальных и региональных случаях – хозяйственной емкости соответствующих экосистем), который предопределен для цивилизации ограничениями и запретами, вытекающими из этих законов.

– Принцип предосторожности, или предосторожного подхода, в самом общем виде сформулирован в Декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. следующим образом: «В целях защиты окружающей среды государствами согласно их возможностям широко применяется осторожный подход. В тех случаях, когда существует угроза нанесения серьезного или невосполнимого ущерба, не-

хватка полных научных данных не должна служить причиной отсрочки принятия дорогостоящих мер по прекращению деградации окружающей среды» (Принцип 15). Иными словами, отсутствие достаточной научной информации не должно использоваться в качестве основания для того, чтобы откладывать или не принимать меры по сохранению и защите окружающей среды.

Данный принцип направлен на переориентацию международного природоохранного сотрудничества с реагирования на уже случившиеся неблагоприятные для окружающей среды события на их предотвращение и предупреждение.

В проекте Международного пакта по окружающей среде и развитию (в ред. 2010 г.) содержание принципа предосторожности, или предосторожного подхода, раскрывается в ст. 7, которая объявляет обязанностью принятие мер предосторожности в целях прогнозирования, предотвращения и контроля над рисками возникновения серьезного и необратимого вреда окружающей среде.

Из комментариев разработчиков проекта Пакта к ст. 7 следует, что меры предосторожности должны предвидеть, предотвращать и устранять причины ухудшения состояния окружающей среды, а основная философия рассматриваемого здесь принципа сводится к тому, что лучше совершить ошибку в принятии мер предосторожности и тем самым избежать ущерба.

– Принцип недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды распространяет свое действие как на мирную, так и на военную область использования радиоактивных веществ (ядерной энергии).

Государства не должны осуществлять ввоз и вывоз средств потенциального радиоактивного заражения без принятия должных (надежных) средств радиоактивной безопасности.

– Принцип защиты экологических систем Мирового океана. Юридическое содержание данного принципа сводится к обязанности всех государств «защищать и сохранять морскую среду» (ст. 192 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года).

Как отмечается в принятой в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию Повестке дня на XXI в., морская

среда «составляет единое целое, которое является стержневым компонентом глобальной системы поддержания жизни и позитивной ценностью, предоставляющей возможности устойчивого развития» (п. 17.1).

Объективная необходимость сотрудничества государств в деле защиты экосистем Мирового океана от загрязнения определяется рядом факторов. Во-первых, ни одно государство, каким бы экономически развитым оно ни было, не может решать все проблемы, связанные с защитой морской среды. Во-вторых, Мировой океан представляет единую и неделимую макросистему, изменение состояния морской среды в которой невозможно ограничить какой-либо акваторией. В-третьих, использование пространств и природных ресурсов Мирового океана имеет международный характер [1, с. 48].

– Принцип запрета военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. Своим появлением данный принцип обязан принятию в 1976 г. Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду и Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года.

Он обязывает государства при ведении военных действий проявлять заботу «о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба» (ст. 55 Протокола); запрещает использование методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде, а также преднамеренное управление «природными процессами – динамикой, составом или структурой Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космическим пространством» (ст. 2 Конвенции) в целях нанесения ущерба вооруженным силам противника, гражданскому населению противостоящего государства, его городам, промышленности, сельскому хозяйству, транспортным и коммуникационным сетям или природным ресурсам [24, с. 169–171; 25, с. 60–67].

– Основу принципа обеспечения экологической безопасности составляет теория экологического риска – определение уровня приемлемого риска с его непременно

при установлении себестоимости продукции и услуг. Под приемлемым риском понимается такой уровень риска, который оправдан с точки зрения экономических и социальных факторов, то есть приемлемый риск – это риск, с которым общество в целом готово мириться ради получения определенных благ в результате своей деятельности.

В настоящее время данный принцип находится в процессе формирования и представляет собой скорее цель, к которой должно стремиться мировое сообщество, чем реально действующий принцип.

– Принцип международно-правовой ответственности государств за ущерб, причиненный окружающей среде. В соответствии с данным принципом государства обязаны возместить ущерб окружающей среде, причиненный как в результате нарушения ими своих международных обязательств, так и в результате деятельности, не запрещенной международным правом.

В английском языке международная ответственность за неправомерную деятельность (негативная ответственность) и за действия, не запрещенные международным правом (позитивная ответственность), называются разными словами: *responsibility* и *liability* соответственно. В русском языке оба института называются одним словом – «ответственность».

В настоящее время Комиссия международного права ООН (КМП ООН) завершила работу по кодификации норм объективной ответственности государств: в 2001 г. был принят Проект статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности, а в 2006 г. – Проекты принципов, касающихся распределения убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности. На основании двух указанных документов планируется принятие либо конвенции, либо акта «мягкого» права.

В науке принято выделять критерии, наличие которых позволяет говорить о трансграничном экологическом ущербе: антропогенный характер деятельности, повлекшей ущерб; прямая связь между антропогенной деятельностью и вредными последствиями; трансграничный характер воздействия; ущерб должен

быть значительным или существенным (незначительный ущерб не порождает международной ответственности).

Ответственность за нанесение трансграничного экологического ущерба в международном праве могут нести и физические лица в рамках института индивидуальной международной ответственности. Так, в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. к военным преступлениям отнесено также и «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной... обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством» (ст. 8b, iv Римского статута).

Прочтение четвертой редакции проекта Международного пакта по окружающей среде и развитию от 22 сентября 2010 г. позволяет заключить, что в настоящее время мы являемся свидетелями формирования в международном экологическом праве еще одного специального принципа – принципа сохранения и устойчивого использования биоразнообразия.

Напомним, что первые три редакции проекта Пакта указывали на уважение ко всем формам жизни лишь в первой своей части, которая по всеобщему признанию содержала принципы-идеи, а не принципы-нормы. В четвертой же редакции этот принцип мы уже встречаем и в разделе принципов-норм.

В этом документе две статьи – ст. 2 и ст. 25 – имеют прямое отношение к данному вопросу.

В соответствии со ст. 2 Проекта «Уважение ко всем формам жизни» «природа в целом и все формы жизни требуют уважения и должны быть защищены. Целостность экологических систем Земли должна поддерживаться и, где необходимо, быть восстановлена».

Здесь выражение «все формы жизни» воплощает в себе существо идей, изложенных в преамбуле Всемирной хартии природы 1982 г. о том, что любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения независимо от ее материальной ценности для человека. Иными словами, ст. 2 прямо указывает на необходимость сохранения биологического разнообразия, а не на защиту отдельных ви-

дов, и на отход от чисто утилитарного отношения к защите отдельных видов, которое было характерно для международных договоров начала XX века.

В соответствии со ст. 25 «Биологическое разнообразие» «стороны принимают все необходимые меры для сохранения биологического разнообразия, в том числе видового разнообразия, генетического разнообразия внутри вида и разнообразия экосистем, *osóái í î ÷áðáç ñí ðòái áí eá in situ* на основе концепции экологической сети».

В п. 1 ст. 25 перечисляются три метода, необходимые для выполнения обязательств по сохранению биоразнообразия, которые являются обязательными, но которыми список не исчерпывается, поскольку эти методы не являются альтернативными, все они должны быть использованы сторонами. Это:

- интеграция через экосистемное управление, сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия и его компонентов в их системе физического планирования;

- создание систем особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и там, где это необходимо, – буферных зон и связывающих ООПТ экологических коридоров;

- запрет на изъятие исчезающих видов, защита их мест обитания и, при необходимости, разработка и применение по отношению к таким видам планов восстановления.

В п. 2 ст. 25 закреплена обязанность сторон регулировать и использовать биологические ресурсы таким образом, чтобы обеспечивалось их сохранение, устойчивое использование и там, где это необходимо и возможно, – восстановление.

Далее в указанной статье приводится перечень конкретных пяти мер (не является исчерпывающим), которые стороны должны принять для выполнения своих обязательств:

- разработать и осуществить планы по сохранению и управлению биологическими ресурсами;

- не допускать снижения численности популяций животных и растений ниже уровня, необходимого для обеспечения стабильного пополнения;

- охранять или восстанавливать места обитания, имеющие значение для дальнейшего существования конкретных видов или популяций;

- поддерживать и восстанавливать экологические взаимосвязи между промысловыми и зависимыми от них или связанными с ними видами или популяциями;

- предотвратить или свести к минимуму случайное изъятие нецелевых видов, а также запретить неизбирательные средства изъятия.

Таким образом, принимая во внимание последние тенденции, возобладавшие в стане составителей проекта Международного пакта по окружающей среде и развитию, целесообразным выглядит направление усилий российской дипломатии в сторону дальнейшего совершенствования данного документа, особенно в части, касающейся уточнения содержания ст. 14 проекта, в которой некоторые виды экологических прав человека представлены в том виде, как это было сделано в Стокгольмской декларации 1972 г., и за который они подвергались справедливой критике. В дальнейшем так называемая Экологическая конституция Земли может быть принята либо Генеральной Ассамблеей ООН, либо на международной конференции *ad hoc*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсегов, Ю. Г. Мировой океан: право, политика, дипломатия / Ю. Г. Барсегов. – М. : Международные отношения, 1983. – 237 с.
2. Бекашев, К. А. Международное экологическое право / К. А. Бекашев // Международное публичное право / отв. ред. К. А. Бекашев. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2010. – С. 763–769.
3. Бекашев, К. А. О роли ООН в кодификации и прогрессивном развитии международного экологического права / К. А. Бекашев // Труды МГЮА. – 1997. – № 3. – С. 146–152.
4. Вылегжанин, А. Н. К учету международно-правового опыта в работе по кодификации морского законодательства России / А. Н. Вылегжанин, Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 49–50.
5. Екологічна Конституція Землі. Методологічні засади / за ред. Ю.Ю. Туниці. – Львів : РВВ НЛТУ України, 2011.
6. Капустин, А. Я. Международные организации в глобализирующемся мире / А. Я. Капустин. – М. : РУДН, 2010. – С. 299–316.
7. Капустин, А. Я. Понятие и особенности системы современного международного права / А. Я. Капустин // Международное право. – М. : Юрайт, 2014. – С. 50–52.

8. Кожевников, Ф. И. Комиссия международного права ООН / Ф. И. Кожевников, Э. С. Кривчикова. – М. : Междунар. отношения, 1977. – С. 6–14.
9. Колбасов, О. С. Международное экологическое право на пороге XXI века / О. С. Колбасов // Первая конференция Всемирной ассоциации международного права в России. – Новороссийск, 1999.
10. Колосов, Ю. М. Массовая информация и международное право / Ю. М. Колосов. – М. : Междунар. отношения, 1974.
11. Копылов, М. Н. Введение в международное экологическое право / М. Н. Копылов – М., 2007.
12. Копылов, М. Н. История международного экологического права / М. Н. Копылов, С. А. Мохаммад, Е. А. Якушева. – М., 2007.
13. Копылов, М. Н. Международное экологическое право как отрасль современного международного права / М. Н. Копылов // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 54–63.
14. Копылов, М. Н. Международное экологическое право на пороге реформ / М. Н. Копылов, А. М. Солнцев // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1 (77). – С. 110–130.
15. Копылов, М. Н. Международное экологическое право перед вызовами современности (международная экологическая организация) / М. Н. Копылов, А. М. Солнцев // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1 (56). – С. 56–58.
16. Копылов, М. Н. Международное экологическое право перед вызовами современности (Международный экологический суд) / М. Н. Копылов, А. М. Солнцев // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 3 (58). – С. 53–56.
17. Копылов, М. Н. Международное экологическое право перед вызовами современности (Экологическая Конституция Земли) / М. Н. Копылов, А. М. Солнцев // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 12 (55). – С. 53–56.
18. Копылов, М. Н. Нужна ли сегодня универсальная международная межправительственная экологическая организация? / М. Н. Копылов // Актуальные проблемы современного международного права – М. : РУДН, 2011. – Ч. 1. – С. 235–240.
19. Копылов, М. Н. ЮНЕП – 35 лет. Сколько еще? / М. Н. Копылов // Московский журнал международного права. – 2007. – № 2 (66). – С. 153–170.
20. Лазарев, М. И. Теоретические вопросы современного международного морского права / М. И. Лазарев. – М. : Наука, 1983.
21. Международное право / отв. ред. Е. Т. Усенко, Г. Г. Шинкаревецкая. – М. : Юрист, 2003.
22. Мовчан, А. П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права / А. П. Мовчан. – М. : Юрид. лит., 1972. – С. 43–63.
23. Мохаммад, С. А. Международное экологическое право в исторической ретроспективе / С. А. Мохаммад // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39). – С. 44–49.
24. Соколова, Н. А. Некоторые вопросы защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов / Н. А. Соколова // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2000. – С. 169–171.
25. Соколова, Н. А. Природная среда как объект защиты международного гуманитарного права / Н. А. Соколова // Международное право – International Law. – 2010. – № 3 (43). – С. 60–67.
26. Соколова, Н. А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды / Н. А. Соколова. – Иркутск, 2002.
27. Hunter, D. International Environmental Law and Policy / D. Hunter, J. Salzman, D. Zaelke. – N. Y., 2002.
28. Kiss, A. International environmental law / A. Kiss, D. Shelton. – Ardsley-on-Hudson, 1991. – P. 55–60.
29. Kiss, A. International Environmental Law / A. Kiss. – N. Y., 1991. – P. 62–67, 116–144.
30. Lang, W. UN-Principles and International Environmental Law / W. Lang // Max Plank Yearbook of United Nations Law. – Vol. 3. – 1999.
31. Lauterpacht, H. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. The General Works / H. Lauterpacht. – Vol. 1. – 1970. – P. 98–112.
32. Oppenheim's International Law. – 1992. – Introduction, Part 1. Peace. – P. 96–114.
33. Peel, J. Environmental Protection in the Twenty-first Century: The Role of International Law // The Global Environment, Institutions, Law, and Policy. – 3rd ed. – Washington, DC, 2011.
34. Sands, Ph. International Law in the Field of Sustainable Development: Emerging Legal Principles / Ph. Sands // Sustainable Development and International Law. – Oxford, 1995. – P. 54–58.
35. Sands, Ph. Principles of International Environmental Law / Ph. Sands. – 2nd ed. – Cambridge, 2003.
36. The Global Environment: Institutions, Law, and Policy / R. S. Axelrod, S. D. VanDeveer, D. L. Downie (eds.). – Washington : CQPress, 2011. – P. 24–47.

REFERENCES

1. Barsegov Yu.G. *Mirovoy okean: pravo, politika, diplomatiya* [World Ocean: Law, Politics, Diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1983. 237 p.
2. Bekyashev K.A. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo* [International Environmental Law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2010, pp. 763-769.
3. Bekyashev K.A. *O roli OON v kodifikatsii i progressivnom razvitii mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava* [On the UN Role in Codification and Progressive Development of International

Environmental Law]. *Trudy MGYUA*, 1997, no. 3, pp. 146-152.

4. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. K uchetu mezhdunarodno-pravovogo opyta v rabote po kodifikatsii morskogo zakonodatelstva Rossii [Taking Into Account the International Legal Experience in the Process of Codification of the Russian Maritime Legislation]. *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 3, pp. 49-50.

5. Tunitsi Yu.Yu., ed. *Ekologichna Konstitutsiya Zemli. Metodologichni zasadi* [World Ecological Constitution: Methodological Approaches]. Lviv, PVV NLTU Ukrainy Publ., 2011.

6. Kapustin A. Ya. *Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchemsya mire* [International Organizations in Globalizing World]. Moscow, RUDN Publ., 2010. pp. 299-316.

7. Kapustin A. Ya. Ponyatie i osobennosti sistemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Notion and Peculiarities of the System of Contemporary International Law]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Yurayt Publ., 2014, pp. 50-52.

8. Kozhevnikov F.I., Krivchikova E.S. *Komissiya mezhdunarodnogo prava OON* [UN International Law Commission]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1977. pp. 6-14.

9. Kolbasov O.S. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo na poroge XXI veka* [International Environmental Law at the Threshold of the 21st Century]. *Pervaya konferentsiya Vsemirnoy assotsiatsii mezhdunarodnogo prava v Rossii* [The First Conference of the World International Law Association in Russia]. Novorossiysk, 1999.

10. Kolosov Yu.M. *Massovaya informatsiya i mezhdunarodnoe pravo* [Mass Information and International Law]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1974.

11. Kopylov M.N. *Vvedenie v mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo* [Introduction to International Environmental Law]. Moscow, 2007, pp. 51-145.

12. Kopylov M.N., Mokhammad S.A., Yakusheva E.A. *Istoriya mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava* [The History of International Environmental Law]. Moscow, 2007.

13. Kopylov M.N. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo kak otrasl sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [International Environmental Law as a Branch of Contemporary International Law]. *Gosudarstvo i pravo*, 2007, no. 1, pp. 54-63.

14. Kopylov M.N., Solntsev A.M. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo na poroge reform* [International Environmental Law at a Threshold of Reforms]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2010, no. 1 (77), pp. 110-130.

15. Kopylov M.N., Solntsev A.M. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo pered vyzovami sovremennosti* (mezhdunarodnaya ekologicheskaya

organizatsiya) [International Environmental Law in Front of Contemporary Challenges (International Environmental Organization)]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 1 (56), pp. 56-58.

16. Kopylov M.N., Solntsev A.M. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo pered vyzovami sovremennosti* (Mezhdunarodnyy ekologicheskii sud) [International Environmental Law in Front of Contemporary Challenges (International Environmental Court)]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 3 (58), pp. 53-56.

17. Kopylov M.N., Solntsev A.M. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo pered vyzovami sovremennosti* (Ekologicheskaya Konstitutsiya Zemli) [International Environmental Law in Front of Contemporary Challenges (Ecologic Constitution of the Earth)]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 12 (55), pp. 53-56.

18. Kopylov M.N. *Nuzhna li segodnya universalnaya mezhdunarodnaya mezhpriavitelstvennaya ekologicheskaya organizatsiya?* [Is There Any Need Today in Universal International Intergovernmental Environmental Organisation?]. *Aktualnye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Current Problems of Contemporary International Law]. Moscow, RUDN Publ., 2011, part 1, pp. 235-240.

19. Kopylov M.N. *YUNEP – 35 let. Skolko eshche?* [UNEP is 35 Years Old – How Many Ahead?]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2007, no. 2 (66), pp. 153-170.

20. Lazarev M.I. *Teoreticheskie voprosy sovremennogo mezhdunarodnogo morskogo prava* [Theoretical Questions of the Contemporary International Maritime Law]. Moscow, Nauka Publ., 1983.

21. Usenko E.T., Shinkaretskaya G.G., eds. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Yurist Publ., 2003.

22. Movchan A.P. *Kodifikatsiya i progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo prava* [Codification and Progressive Development of International Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1972. pp. 43-63.

23. Mokhammad S.A. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo v istoricheskoy retrospektive* [International Environmental Law in the Historical Retrospective]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 8 (39), pp. 44-49.

24. Sokolova N.A. *Nekotorye voprosy zashchity okruzhayushchey sredy v period vooruzhennykh konfliktov* [Certain Questions of Environment Protection During the Armed Conflict]. *Rossiyskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava* [Russian Yearbook of International Law]. Saint-Petersburg, 2000. pp. 169-171.

25. Sokolova N.A. *Prirodnaya sreda kak obyekt zashchity mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava* [Natural Environment as an Object of International Humanitarian Law Protection]. *International Law*, 2010, no. 3 (43), pp. 60-67.

26. Sokolova N.A. *Teoreticheskie problemy mezhdunarodnogo prava okruzhayushchey sredy* [Theoretical Problems of the International Environmental Law]. Irkutsk, 2002. pp. 111-154.
27. Hunter D., Salzman J., Zaelke D. *International Environmental Law and Policy*. New York, 2002.
28. Kiss A., Shelton D. *International environmental law*. Ardsley-on-Hudson, 1991, pp. 55-60.
29. Kiss A. *International Environmental Law*. New York, 1991. pp. 62-67, 116-144.
30. Lang W. UN-Principles and International Environmental Law. *Max Plank Yearbook of United Nations Law*, 1999, Vol. 3.
31. Lauterpacht H. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. *The General Works*, 1970, Vol. 1. pp. 98-112.
32. *Oppenheim's International Law*, 1992, vol. 1. Introduction, Part 1. Peace. pp. 96-114.
33. Peel J. Environmental Protection in the Twenty-first Century: The Role of International Law. Axelrod R.S., VanDeveer, S.D., Downie D.L., eds. *The global environment, Institutions, Law, and Policy*. Washington, DC, 2011.
34. Sands Ph. International Law in the Field of Sustainable Development: Emerging Legal Principles. W. Lang, ed. *Sustainable Development and International Law*. Oxford, 1995. pp. 54-58.
35. Sands Ph. *Principles of International Environmental Law*. Cambridge, 2003.
36. Axelrod R.S., VanDeveer S.D., Downie D.L., eds. *The Global Environment: Institutions, Law, and Policy*. Washington, CQPress, 2011. pp. 24-47.

WHAT THE INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW IS LACKING IN THE YEAR OF ITS 175th ANNIVERSARY?

Kopylov Mikhail Nikolaevich

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Russian Ecological Academy,
International Academy of Ecological Sciences and Life Safety
prof.mikhail.kopylov@gmail.com
Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

Kopylov Stanislav Mikhaylovich

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor, Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia
ksmfiles@gmail.com
Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

Mishlanova Valeriya Andreevna

Bachelor Student, Faculty of Law,
Peoples' Friendship University of Russia
mishlanova.valeria@gmail.com
Miklukho-Maklaya St., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the analysis of the branch signs of the international environmental law. It is concluded that for the 175 years of its existence, international environmental law has not managed to adopt a wide universal codifying international legal act, systematizing principles of this special set of international legal norms. It is proved that today the most complete on the list of special principles of international environmental law is the 2010 Draft Covenant on Environment and Development, which describes the content of nine such principles. It is proved that today one more special principle of international environmental law is coming to life – the principle of the

conservation and sustainable use of biodiversity. On this fact is an indication in the art. 2 and art. 25 of the Draft Covenant. It is proposed that Russian diplomacy has focused its efforts on further improving the Draft Covenant, on clarifying the concept and terminological apparatus of this document, which is subsequently to be adopted either as a UN General Assembly resolution, or at a specially convened international conference ad hoc.

Key words: International environmental law, codification, principles, World environmental constitution, Covenant draft, UNEP, IUCN, precautionary approach.